

В любой сложной популяции, такой, как, например, человеческое общество, отбор — селекция — играет определяющую роль. Чем жестче селекция, тем лучше сохраняется вид. Этот отбор среди лучших, самых жизнеспособных представителей вида изначально обеспечивался самой природой и людьми, пока они действовали в согласии с ней. Первые человеческие «вмешательства» совершались отнюдь не против природы, а наоборот, чтобы помочь ее работе. Другое дело, что использовавшиеся для этого средства были грубыми, отчасти, по нашим понятиям, жестокими. Вопрос в том, не допускает ли наше время, способствующее всему слабому и немощному и уходящее тем самым в другую крайность, новую жестокость, которая может сравниться в варварстве со старой.

*Из введения в «Расовую гигиену»
Йона Альфреда Мьёэна
Издательство Якоба Дюбвада,
1938 г.*

* * *

Йон Альфред Мьёэн умер в 1939 г.

Часть 1

Глава 1

В полумраке стюардесса убрала поднос с нетронутой едой: копченым лососем, босфорским морским окунем и венским яблочным штруделем. Ее движения были ловкими, настолько отработанными, что она совершала их не глядя. Обслуживая пассажира, она украдкой взглянула на него и заметила то самое выражение лица, которое приводит в замешательство, если увидишь его вблизи. Оно было как на нечетком изображении монитора, но что именно в нем было не так, она уловить не могла. Когда стюардесса потянулась за бокалом с шампанским, мужчина положил свою ладонь на ее. Девушка резко отдернула руку.

Он аккуратно убрал откидной столик. Пассажиры на соседних местах спали. Тусклые отблески навигационного фонаря, мигавшего на крыле самолета, отражались в иллюминаторе. Далеко внизу, над землей светились гирлянды золотых огней. Европа. С тех пор прошло много времени. Закрыв глаза, он просунул указательные пальцы между кожей и маской и подумал о том, что осталось в прошлом.

Частицы пыли плавно оседали в воздухе. Палящее солнце было затянуто бледно-жемчужной пеленой. На высоте тысяча метров над уровнем моря простиралась степь. Воздух был разреженным. Его сопротивление при выстреле будет низким. Нельзя было представить условий лучше.

Они лежали неподвижно на каменной лестнице перед бойницей на самом верху старого минарета. Снаружи было почти сорок градусов. В башне было прохладнее, но все равно воздух плавился от жары.

Он дал глазам отдохнуть. Поморгав, перевел взгляд в тень, прекрасно зная, что Кит наблюдает в подозрительную трубу. Встреча длилась уже почти четыре часа. Если губернатор хочет успеть в свой укрепленный дом до наступления темноты, то скоро будет прощаться.

Кит тронул соседа за плечо. Тот знал, что это значит, и передернул затвор. Он прицелился. Стена, которую он увидел, была некрашеной, красно-коричневой. Бритоголовый мужчина, одетый в темный жилет и светлый *перахан тунбан* – традиционную старинную одежду, которую предпочитают многие афганцы, – открыл балконную дверь. Это был Хассам, осведомитель, заманивший сюда губернатора.

Хассам отошел в сторону, давая возможность пожилому человеку выбрать место на балконе с коваными перилами. Губернатор Усмаль Абдуллах Камаль. Перекрестие прицела скользнуло по его коричневому тюрбану. Вниз по пышной седой бороде. Двое мужчин стояли в напряженном молчании, устремив взгляд в даль маковых полей.

Из-за отдачи снайпер потерял цель из виду, но, опустив винтовку, увидел, что пуля «Лапуа Магнум» 338-го калибра попала почти на пять сантиметров правее середины груди. Будь выстрел менее точным, жертва все равно была бы убита. Тем не менее в висках запульсировало от досады. Вместо того чтобы проделать большую красную дыру размером с апельсин в белой одежде губернатора, он разнес его грудь почти надвое. Балкон, Хассама и стену залил фонтан светло-красной крови. Тело губернатора дернулось, натолкнувшись на дверь, затем задержалось на мгновение, неестественно выгнувшись. Хрупкая деревянная конструкция, не выдержав, обвалилась. Тело рухнуло на пол, подняв вокруг себя облако пыли.

Снайпер передернул затвор. Было слышно, как на лестницу упала пустая гильза.

У ног губернатора, обутых в сандалии, сидел, сжавшись в клубок, Хассам.

То ли он молился, то ли им овладела паника, то ли он разыгрывал спектакль перед приближающимися телохранителями. Это не имело никакого значения. Снайпер отрегулировал прицел с поправкой на ветер и нажал на спусковой крючок. Мгновение — и тело Хассама завалилось на бок. На глиняной стене остался след в виде оранжево-красного нимба из месива мозгов, крови, волос и осколков черепа.

Убийца моргнул и подумал, что глаз — как фотокамера. Моргнув ещё раз, он не сразу открыл глаза, чтобы ощутить ту темноту, которая наступает, когда зеркало фотоаппарата опускается и время как будто замирает. Это был его момент, и он был запечатлен навсегда.

— Прощай, Хассам, — произнес Кит.

Снайпер завернул винтовку в полотенце. Пока Кит паковал подозрную трубу, убийца встал и поднялся на три ступени, отделявшие его от человека, лежавшего связанным в лестничном пролете. Несколько мух кружились у его лба с запекшейся кровью. Из-за повязки на глазах было невозможно определить, был ли пожилой имам в сознании. Он дышал учащенно и хрипло. Снайпер достал из кобуры пистолет. Кит покачал головой:

— В этом нет необходимости.

У минарета они пожали друг другу руки.

— Организация желает вам удачи в Норвегии, — сказал Кит.

В ответ снайпер только прошипел.

Глава 2

— Фредрик Бейер. Через «й» после «е».

— Адрес?

— Соргенфригатен, дом шесть. Это район Майорстюен.

— В Хейнекегорен?

— Что?

— Я предположил, что вы живете в Хейнекегорен. А родились вы в...?

— Здесь, в Осло. Это имеет какое-то значение?

— Прощу прощения. Я имел в виду год рождения. Сколько вам лет?

— Сорок восемь. Мне сорок восемь.

Расположившийся на кожаном диване главный инспектор полиции потянулся своей огромной рукой

за ложкой в банке с растворимым кофе, взял ее, повертел в руках и заметил на металлической поверхности выпуклой части свое слабое отражение: пряди волос на висках с едва проступающей сединой. Зато его тонкие, хорошо подбритые усы выглядели так, будто кто-то нарисовал их ему, пока он находился в состоянии опьянения.

Перед полицейским сидел штатный психолог. Над головой психолога висел постер с Эрнестом Хемингуэем с обнаженным торсом.

— Разве Хемингуэй не застрелился?

— Как и его отец.

— Не забавно ли, что психолог украшает кабинет портретом парня, снесшего себе башку?

— Думаю, не забавнее, чем то, что вы живете на Соргенфригатен*, — ответил психолог, уверенным кивком головы указав на толстую папку пациента на столе между ними.

Следователь недружелюбно фыркнул. В лучшем случае адрес был выбран произвольно.

— Бывшая жена выбирала квартиру.

— Значит, вы были женаты. Дети есть?

— Трое... двое. Я имею в виду двое.

— Так трое или двое?

— Один из них умер.

— Прошу прощения. Что с ним произошло? — Мозгокопатель с двойным подбородком потуже затянул резинкой волосы в хвост.

Сюда-то и приходили «облегчиться» полицейские со всего города. Стены комнаты были такого гряз-

* Буквально «улица без печали» (норв.). — Прим. пер.

но-белого цвета, будто впитали в себя извергавшиеся здесь ежедневно миазмы злобы, связанной с чувством неполноценности и страха. Отвратительно. Кабинет психолога был не больше клетки, и Фредрику Бейеру не хватало воздуха. Фредрик поднялся с засиженного посетителями кожаного дивана, и тот закрипел. Выпрямившись во весь рост, Фредрик почти доставал головой до потолка. Полицейский встал у окна. Желтоватые шторы хлопали по мокрому алюминиевому подоконнику.

Психолог остался сидеть спиной к полицейскому, и когда Фредрик обернулся, то увидел только хвост его секущихся волос и лоснящуюся от пота макушку. Мозг в этой голове был промаринован самыми темными тайнами полицейских. Этот парень — уличный сортир всей полиции Осло. Черта с два, да ни за что он не будет обсуждать с ним своего сына.

— Вы живете вместе с детьми?

Фредрик сощурился.

— Нет. Они живут в Тромсё. Со своей матерью Элис и ее новым мужем, — Фредрик снова скользнул на диван. В левой коленке больно хрустнуло. — Я здесь не по своей воле. К этому мне нечего добавить. Меня поставили перед выбором: или ходить к вам, или взять долгий отпуск.

Психолог провел пальцем по складке двойного подбородка.

— Потому что вы не считаете себя больным?

Тон психолога не оставлял никаких сомнений в его презрении к самодиагнозам.

— Психом? — спросил Фредрик, уставившись на собеседника. — Нет.

Глава 3

Над железнодорожным вокзалом нависло серое июньское небо. Из окна автомобиля было видно идущих по своим делам жителей Осло с закрытыми зонтиками и всепогодными куртками. Фредрик опустил противосолнечный козырек, увидел свое отражение в зеркале и провел ладонями по короткостриженным волосам. Он достал из кармана большие новые почти квадратные очки в металлической оправе. Фредрику казалось, что в них он похож на агента штази, и ему это нравилось. Губы главного инспектора полиции вытянулись в улыбке. Он погладил усы и бросил беглый взгляд на сидевшего рядом человека.

— Кари Лисе Ветре, — барабаня большими пальцами по рулю, повторил старший инспектор полиции Андреас Фигуэрас — на этот раз чуть громче. — Разве к ней не были приставлены на какое-то время наши телохранители?

Фредрик откинул голову на деревянный массажный коврик на подголовнике.

— Из этого так ничего и не вышло.

На повороте на Конгенс-гате напарник Фредрика в знак понимания прищелкнул языком. Они направлялись в сторону безжизненного района офисов и административных зданий, куда забредают только заплутавшие туристы, залетают свободные городские пташки и где снуют офисные сотрудники среднего звена. В тоскливую часть города, которая называется Квадратурен.

— Напомни, что это было за дело, — попросил Андреас. — Что-то связанное с геями?

— Ну вроде того. Она была свидетельницей того, как у кинотеатра «Колизей» избили гомосексуальную пару. За несколько дней до суда ей позвонил мужчина и сказал, что выпустит из нее кишки, если она даст показания. Угрозы поступали в адрес нескольких человек, но, так как у нее особый статус, забили тревогу.

— Да, понятно, что к ней особое отношение. Чертовы политики, — прорычал Андреас, снимая с головы с седыми завитками очки и надевая их на нос. Андреас был на несколько лет старше Фредрика, но тем не менее его начальником был именно Фредрик.

— Есть какая-нибудь связь с этим делом? — продолжил он, когда Фредрик проигнорировал его приглашение излить желчь на народноизбранных.

— Нет, никаких связующих нитей.

— Ведь теперь пропала ее дочь.

— Дочь и внук. Судя по всему, они состоят в какой-то общине.

— Очередное дерьмовое дело, — простонал Андреас, выпятив свой мощный подбородок вперед. В редкие минуты, когда он не был раздражен, Андреас с глубокими, как два колодца, глазами, смуглой кожей и угловатой физиономией казался самым красивым полицейским в городе.

Фредрик закрыл глаза, размышляя о женщине, с которой им предстояло встретиться. Ветре отличало чувство стиля, что так нехарактерно для норвежек. Она потерпела, как писали СМИ, сокрушительное поражение в борьбе за пост лидера Христианской народной партии и стала заместителем председателя. На экране Ветре смотрелась как политик, который ведет себя искренне и не производит при этом впечатление лицемера.

Полицейские припарковались на гравиевой стоянке около Военного общества Осло — эlegantного здания правильной формы с эркером на фасаде, сообщающегося одной стеной с крепостью Акерсхюс. Одернув вельветовую куртку и заправив в джинсы белую футболку, Фредрик взглянул на своего напарника. У Андреаса было три рубашки цвета слоновой кости, три пары серых брюк и два костюмных пиджака припаленного кроя. Фредрик редко видел его в другой одежде. Андреас одевался со вкусом.

— Это церемония для ветеранов войны, — пояснил Фредрик, когда они проходили мимо двух пушек с заткнутыми дулами у входа. Внутри пахло лимоном и креветками. В большом парадном зале сидели сотни как будто высеченных из камня мужчин и несколько женщин. Охотники за нацистами, исламистами и воины-миротворцы. Министр обороны и несколько заслуженных ветеранов были удостоены почетного места под портретами королевской семьи. Кари Лисе Ветре находилась в другой части зала, где под потолком золотыми буквами был нанесен королевский призывный лозунг: «Всё для Норвегии». Она пламенно что-то обсуждала со своими соседями по столу. Первый был статным, рыжеволосым мужчиной за пятьдесят, с усами, напоминавшими жесткую щетку. Второй — дряхлым стариком. Много лет назад он, вероятно, был сильно изуродован. На его лице остались шрамы, похожие на ожоги. Кожа на больших участках головы была растянута и сморщена, как картон, который сначала намочили, а потом высушили. Белые, как известь, руки покоились на округлой рукоятке черной трости.

Прокладывая себе путь между столиков, Фредрик встретился взглядом с Ветре.

— Я комиссар полиции Бейер. Мы общались по телефону...

Политик из Христианской народной партии сдержанно улыбнулась.

— Господа, к сожалению, я должна откланяться. Бейер, это Стейн Брэннер, военный историк, — представила она своих собеседников, и едва заметная улыбка тронула ее тонкие губы. — А это Кольбейн Име Мунсен. Господин Мунсен — один из наших героев Второй мировой войны.

Ветеран уставился на Фредрика ясными темными глазами.

— Бейер... — пробормотал он.

Они пожали друг другу руки. Затем старик достал из нагрудного кармана складной гребень с костяной ручкой, на которой вычурным шрифтом было выгравировано: «КИМ». Трясущимися руками он пригладил выбившиеся на затылке волосы.

Андреас ждал их в соседнем зале. Вдоль стен висели нарисованные от руки карты и портреты офицеров с мрачными лицами.

Кари Лисе Ветре решила опустить формальности.

— Я огорчена тем, что все заняло так много времени. Прошло уже больше месяца с тех пор, как я к вам обратилась.

Во взгляде Андреаса после этой фразы промелькнула тревога.

— Ваша дочь ведь взрослая женщина, — начал он. — И тем более у нас нет оснований полагать, что это как-то связано с криминалом. Так что, возможно, она просто не хочет общаться...

Андреас посмотрел на нее поверх очков и продолжил:

— ...со своими родителями?

Ветре глубоко вздохнула собираясь что-то сказать, но Фредрик опередил ее.

— Мой коллега хочет сказать, что нам пришлось обратиться в несколько инстанций, чтобы соблюсти служебную тайну и прочие вещи.

Он тут же продолжил:

— И мы, и служба защиты детей обеспокоены ситуацией, сложившейся с вашим внуком. Его, кажется, зовут Уильям?

— Уильям Давид Ветре Андерсен, — подтвердила Ветре. — Ему скоро исполнится четыре.

— Верно. Ну, у службы защиты детей уже были проблемы с общиной, в которой состоит ваша дочь. Поэтому мы и начали расследование, исходя из того, что, *возможно*, мы имеем дело с исчезновением.

— Хорошо, — сказала Ветре, окинув Андреаса проницательным взглядом.

Они сели.

Глава 4

Если бы ему пришлось угадывать, сколько ей лет, он бы сказал — сорок пять, но он знал, что Ветре была старше. Ей было за пятьдесят. Ее возраст использовали против нее, когда она стала *всего лишь* заместителем председателя партии. Темные волосы собраны на затылке, одета в облегающий серый костюм. На шее — маленький серебряный крестик.

— Я не говорила и не виделась с Аннетте уже полгода, — начала она.

Когда она села, ее голос стал еще более мрачным. Ветре стремилась продемонстрировать, что она справляется с собственными чувствами. Ничего необычного для тех, кто привык, что их выбирают. Они презирают слабость. И более всего — свою собственную.

— В большинстве случаев родители впадают в отчаяние из-за бунта детей. Дети напиваются, экспериментируют с наркотиками, занимаются сексом. Что мне об этом известно? С нами никогда такого не было. Моя дочь сердится на меня за мою, как она считает, чрезмерную либеральность. А я на нее за то, что она исчезла вместе с моим внуком. И за то, что она языкатая консерваторша, — Ветре слабо улыбнулась.

— Потому что Аннетте...

Стул скрипнул, когда она откинулась на его спинку и остановила взгляд на потолке, будто слова, которые она искала, спрятались там, под штукатуркой.

— Аннетте живет только для Бога.

У Ветре были блестящие ухоженные волосы. Каждый волосок — на своем месте. Постоянное расчесывание не оставляло челке никаких шансов к бунту.

Все началось, когда Аннетте была подростком. Она не хотела идти в церковь, потому что на дух не переносила женщин-священников, священников-геев, изменения в литургии. Аннетте считала, что церковь издевается над своим собственным Богом.

Ветре усмехнулась и покачала головой. Фредрику показалось, что морщинки вокруг ее глаз в действительности гораздо заметнее, чем во время ее выступлений на телевидении, но его поразило, насколько оче-

видным было сходство политика с ее телевизионным альтер эго. Скромный макияж был безупречен. Красная помада на губах символизировала доверие и тепло. И было в ней что-то еще едва уловимое. Ее помада была ровного, глубокого, чувственного оттенка и смотрелась так изысканно. Лишь при мимолетном взгляде она казалась обычной, а на самом деле ее тон вызвал к подсознательному, любви и вожделению.

Действительно достойный политик.

— Тем не менее мы сохраняли некое уважение друг к другу. Сначала ее вовлекли в «Свет Господень»... В общину, как вы ее называете. И тогда все изменилось.

Рыжеволосый официант-швед подал им кофе. Пока он стоял у столика, Ветре молчала.

Семь лет назад Аннетте начала посещать богослужения в секте из Филадельфии «Свет Господень». Она бросила учебу на лаборанта всего за несколько месяцев до сдачи последнего экзамена.

— Как чертовски глупо, — добавила политик, тяжело вздохнув.

Затем Аннетте продала квартиру на Санктхансхауген — ту, что купили родители, — и переехала в общину. Там она познакомилась с Пером Улавом, отцом Уильяма. Они не хотели венчаться в церкви, но у них было что-то вроде церемонии.

— Нас не пригласили, — подытожила Ветре. Она моргнула и тонкими указательными пальцами потеряла уголки глаз.

— Все, должно быть, произошло очень быстро, потому что я не могу представить, чтобы Аннетте легла с кем-то в постель, прежде чем их отношения не по-

лучили... благословения. Как вы понимаете, она не такая девушка.

— Да, кажется, на нее это не похоже.

Но счастье оказалось недолгим. Пер Улав умер сразу после рождения Уильяма. Из-за какой-то инфекции. В больнице не сказали ничего определенно-го. Случайность. Или воля Божья.

— Это ведь зависит от того, кого вы спросите, — задумчиво проговорила Ветре.

Андреас оторвал взгляд от записной книжки:

— Где находится община?

— В долине Маридален. В доме, который они называют Сульру. Нам с мужем не разрешают туда приходить. По словам Аннетте, никому нельзя посещать общину. Это какая-то их параноидальная идея.

Ветре вытянула пальцы, изучая свой безупречный красный маникюр.

Аннетте навещала родителей. Нечасто, но бывало. Может быть, ее трогали слезы матери, каждый раз когда та видела внука. Может быть, это были уколы совести из-за того, что она отказалась от хорошей жизни, устроенной для нее родителями. Но вот уже полгода как она не приходила. Ни слова за полгода.

— Я участвовала в дебатах на радио, где речь шла о девушках и абортах. Я против абортов. Вы вряд ли найдете кого-то в партии, кто был бы за, но я также считаю, что бывают ситуации, когда аборт может быть альтернативой. Очевидно, что Аннетте слушала эту программу. Она была в ярости, кричала и спрашивала, хотела бы я, чтобы она сделала аборт и не рожала Уильяма.